
Время позднее, тёмное, спать пора,
погаси светильник, глаза закрой.
Пусть священный снится тебе Кумран.
Далеко ль до туда? Подать рукой,
доберёмся вовремя... Сам Господь
тебе скажет, встретив тебя, смотри,
станешь есть с другими лишь через год,
причастишься к тайнам лишь через три.
Сквозь столетья сможешь ходить пешком,
доверяя мысли ушам пещер.
Далеко ль Кумран ещё? Далеко...
Что-то спать не хочется вообще.

Где был Адам? Куда смотрел Адам?
Что значило молчание Адама?
Вопрос большой, но я, пожалуй, дам
простой ответ — сработала программа,
заложенная Высшим Существом,
и поступить Адам не мог иначе.
Вот так и мы, товарищи, живём —
возделываем сад себе на даче.
С утра до ночи льём на огород
любовь из лейки, думаем, что сами
его растим, но всё наоборот:
не мы его, а он нас, по программе,

растит себе, возделывает нас...
И даже когда пьяный бьёшь посуду,
не ты её — она тебя сейчас
башкой об стену верить учит чуду.

я Ахиллес я Гектор я Улисс
меня Гомер придумал и отправил
на остров на котором я завис
но я его покинул и оставил
и долго тёрся около земель
не видимых простому мореходу
закончились и ром и пунш и эль
и десять моряков упали в воду
а я кричал: поставьте паруса
я говорил им: паруса снимите
пока последний просто не сказал:
я так устал прощайте и простите
я видел как холодная волна
борт корабля наевшись облизала
я видел как закончилась война
и толстая тащилась до вокзала
таща мешок и прятала лицо
как будто ей и правда стало стыдно
вот глупая — ведь всё в конце концов
закончится и будет не обидно

Бессердечное сердце моё
ночью делало вид, что болит,
докучая, стучало, а днём —
что здоровое делало вид.

Я проспал на работу и так,
я и так ничего не хочу,
никаких Одиссеев, Итак, —
пенелопово горе — врачу.
Был бы остров далёкий какой,
я ветра бы его приручил,
получил бы Цирцеин покой
навсегда — миллионы причин
не гонять по волнам корабли,
а сидеть на косом берегу,
но Гомер — сочинит о любви
и подарит Елену врагу.

Молилась ли ты на ночь, Пенелопа,
чтоб Одиссей до нового потопа
пришёл с войны и гости разошлись?
А если не молилась, помолись.

Твой муж уснул в объятиях Цирцеи
с улыбкою блаженной на лице, и
товарищи уснули. До сих пор
им снятся сны. Бедняга Эльпенор!

Тки покрывало, верная жена,
для старого Лаэрта, из окна
все дни тревожно глядя на дорогу.
Бессмыслица какая-то, ей-богу —

война закончилась, но мира в доме нет.
Твой сын ушёл, скитается по свету.
Твой муж пропал, а гости — двадцать лет
едят и пьют, убить бы их за это.

Но время вышло, слуги разбрелись,
а женихи ломают двери спальни.
Молилась ли ты на ночь? Помолись
в последний раз, и будет всё нормально.

ТИФОН

1

Россия с борта МКС —
слепит Москва, подобно стразе,
чернеет за Уралом лес,
белеют горы на Кавказе.

Вдали виднеется Байкал
в оправе — сосны, камней глыбы.
Я там ловил, я в нём поймал
на жерлицу созвездье Рыбы

и отпустил. Пускай плывёт
созвездье Рыбы над планетой —
за Андромедою Эрот,
широкой связанные лентой.

Мне говорят, то был Евфрат,
то, по легенде, был Египет,
но я лечу Россией над,
и весь запас спиртного выпит.

Среди светил я вижу, как
трясёт влюблённого Тифона,
в глазах сомнение и мрак.
Безумец! Это мне знакомо.

2

У меня зазвонил телефон.

Отвечаю немедленно: «Да!»

«Это я, — раздаётся, — Тифон,
не любимый никем никогда.

Андромеда, любимая мной,
Андромеда, печаль затая,
недоступною стала звездой,
а виной тому — внешность моя.

Испугал её до смерти я,
и реки она выбрала дно.
Всё померкло с тех пор для меня,
и до этого было темно.

Стала рыбой Богиня, теперь
над землёю, мерцая, парит.
Ну, а я — полубог, полужверь...» —
говорит, говорит, говорит.

Зима приходит обычно ночью,
шлёт телеграммы —
«Прибуду точно, малярным скотчем
заклейте рамы».

Жить по старинке, кого ни спросишь,
никто не помнит,
как клеить окна, в ответ: «Ты гонишь!»
И: «Экономит!»

Зима придёт сегодня мира
предстанет мера,
в кругу торшера цеди Шекспира,
живи Гомера.

Зима нагрянет, заглянет в очи
окна конечно
обычно ночью, обычно точно,
обычно вечно.

Пропах лекарствами халат,
от стирок пересох.
Я верен клятве, Гиппократ,
твоей с восьми до трёх.

А после трёх и до восьми,
прости, иным богам
иду служить, но, чёрт возьми,
каким — не знаю сам.

Вергилий презентует ад,
а Беатриче — рай.
Не будь занудой, Гиппократ,
и веток не ломай.

А. П.

Дни проходят одинаково.
Время встало и стоит.
Снится лестница Иакова,
а под ней Иаков спит.

Крепко спит, не просыпается.
Слышу шум кошачьих лап —
тихо ангелы спускаются,
заливая светом трап.

Сосчитаю до двенадцати:
«Раз, два, три, четыре, пять...»
Истинно, Господь является.
Мог ли я об этом знать?

Или сделаю движение,
испуская рыбий вздох.
Эта резь в глазах и жжение —
на меня глядящий Бог.

Или вскрикну, словно женщина,
пробудившись ото сна.
Зарастает в небе трещина,
птичья капает слюна.